

10. *Traho R.* Izbrannye trudy i dokumenty [Selected publications and documents]. Maykop, 2013. S. 61.
11. *Raenko-Turanskiy Ya. N.* Adyge do i posle Oktyabrya [Adyge before and after October]. Krasnodar, 1927. S. 19–20.
12. *Gardanov V. K.* Obshchestvennyy stroy adygskikh narodov [The social order of the adyge peoples]. M., 1967. S. 128, 241.
13. *Autlev P. U.* Vosstanie shapsugskih tfokotley [Rebellion of shapsugian tfokotl] // Sbornik statey po istorii Adygei. Maykop, 1976. S. 392–414.
14. *Dzhimov B. M.* Krest'yanskoe dvizhenie v doreformennoy Adygee 1793–1868 gg. [The peasant movement in pre-reform Adyge 1793–1868] // Uchenye zapiski ANII. 1970. T. XI. S. 90–103.
15. *Kazharov V. H.* Adygskaya Hasa [Adyge Hasa]. Nal'chik, 1992. S. 121.
16. *Bizhev A. H.* Abadzekhi [Abadzekhs] // Adygi. 1991. № 2. S. 191.
17. *Chirg A. Yu., Kropachev S. A.* Problemy istorii i kul'tury Rossii i Cherkessii v XIX–XX vv. [Problems of history and culture of Russia and Circassia in XIX–XX]. Maykop, 2015. S. 15–16.
18. *Pokrovskiy M. V.* Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [From the history of Circassians in the late 18th – first half of 19th century] Krasnodar, 1989. S. 157–165.

УДК 37(470.62/67)(091)

С. А. ТРЕХБРАТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ У ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (30-50-е годы XIX в.)

Автор дает характеристику основных этапов становления и развития образования у горских народов Прикубанья, выявляет причины неудач на начальном этапе, раскрывает значение Устава горских школ в деле распространения просвещения среди коренного населения Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: горское образование, аманатские школы, военно-учебные заведения, Устав горских школ.

UDK 37(470.62/67)(091)

S. A. TREHBRATOVA

FORMATION OF EDUCATION NORTHWEST CAUCASIAN HIGHLANDERS (30-50 years of XIX)

Author described the main stages of formation and development of the education of the mountain peoples of the Kuban, identifies the causes of failures at an early stage, disclose the value of the Mountain Charter schools in the spread of education among the indigenous population of the North-West Caucasus.

Key words: Mountain education, amanat school, military educational institutions, Mountain Charter schools.

Время, очерченное в статье, охватывает завершающий этап Кавказской войны. Поэтому, на первый взгляд, может показаться странной сама постановка вопроса. Действительно, о каком народном образовании горцев Северо-Западного Кавказа могла идти речь, когда в общественной жизни на первый план выдвигались задачи военного включения Закубанья в состав России. Однако внимательное изучение источников показывает, что, несмотря на все сложности переживаемого времени, основы образования среди горцев закладывались именно в эту драматическую пору.

В деле становления горского образования под эгидой российского правительства можно условно выделить следующие этапы. К первому из них, датируемому нами 30–40 годами XIX века, следует отнести попытки правительства привлечь горцев к образованию через военно-учебные заведения. Так, правительственными распоряжениями было «повелено определять ежегодно детей горских князей и первостепенных узденей в Первый, Второй, Павловский и Александровский кадетские корпуса, в каждый по шести и в Александровский 12, а также почетных мусульман Кавказского края от 20 до 30 человек» [1].

При отборе детей горцев для обучения в российских учебных заведениях определялись возрастные рамки: они должны были быть не моложе шести и не старше 13 лет. Предпо-

лагалось, что молодые горцы после окончания Санкт-Петербургских военно-учебных заведений будут воздействовать на единоплеменников своих в видах нашего правительства.

Надо отметить, что этот путь военно-учебного образования неоднозначно воспринимался самими адыгами. С одной стороны, он наиболее соответствовал природным наклонностям и общественным привычкам воинственных жителей гор. С другой, долгий отрыв от родных семейств не мог не сказываться отрицательно на их поведении, и, в конце концов, на самом качестве обучения.

Следует также иметь в виду, что в кадетские корпуса адыги поступали без всякой предварительной подготовки и соответственного знания русского языка. Эффективность обучения была невелика, что в конечном итоге и вынуждено было признать военное начальство, в ведении которого эти училища находились. Анализируя сложившуюся ситуацию в этом деле, военный министр сообщал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом 7 мая 1853 года, что «благодетельная цель правительства образовывать горцев через воспитание в военно-учебных заведениях вполне не достигается для них» [2].

Главным препятствием на пути приобщения горцев к образованию через российские военно-учебные заведения являлась, конечно, Кавказская война. Большинство горцев не желало получать образование из рук своего военного противника. Об этом свидетельствуют те трудности с набором кадетов, о которых писали кавказские командиры. Так, в одном из документов, вышедших в штабе войск Кавказской линии и Черномории в октябре 1842 года, говорилось о том, что «шеф жандармов, командующий императорскою главною квартирою, неоднократно просил господина командующего войсками Кавказской линии о присылке ежегодно горцев в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения непременно в летние месяцы, не позже 1 августа. За всеми предпринятыми мерами в настоящем году не было выполнено это требование» [3].

В 1849 году в Тифлисе «в видах распространения народной промышленности и торговли» была учреждена Гранильная фабрика для обработки яшм, порфира, мрамора, обсидиана и других камней здешнего края. «Дабы приохотить туземцев к этому новому в здешнем крае, но весьма полезному ремеслу», наместник царя на Кавказе приказал принимать на эту фабрику «желающих обучаться оному» и снабжать их во время обучения казённым содержанием. Соответствующее объявление, написанное в 60 экземплярах на русском и татарском языках, летом 1854 года было отправлено в горы. Однако меры, принятые Черноморским правительством для агитации среди кубанских адыгов, не дали положительных результатов. Отовсюду пришли отрицательные ответы. Вот образчик одного из них: «Имею честь донести, – рапортовал в Управление Черноморской кордонной линии 20 ноября 1856 года начальник её третьего отделения, – что желающих поступить в Гранильную фабрику, учреждённую в Тифлисе в ведении наместника Кавказского, за сделанным мною розысканием в войсках <...> не оказалось» [4].

Наследник престола, будущий император Александр II, в своём сообщении наместнику царя на Кавказе от 14 октября 1849 года указывал на ещё одну причину неуспеха горского образования в российских вузах: отсутствие предварительной подготовки и, главное, незнание русского языка. «Все сии малолетние, – отмечал цесаревич, – поступают большей частью без знания русского языка и без всяких предварительных познаний; следовательно, только при отличных способностях и особенном прилежании они могут следить за курсом наук» [5].

Второй этап горского образования можно датировать начиная с середины 40-х годов XIX века. Он характеризуется тем, что правительственные власти решили «уменьшить число отправляемых (горцев) в корпуса и увеличить способы воспитания горцев здесь» [6], т. е. ближе к местам их непосредственного проживания.

21 октября 1845 года в духовной жизни Черномории произошло важное событие: в станице Полтавской Таманского округа вошло в строй окружное училище, в котором было предусмотрено отделение для детей черкес и татар, проживавших на территории Черноморского казачьего войска. Для них выделялось десять вакансий за счёт государственного казначейства. Взаимное обучение детей казаков и горцев, как отмечалось в приказе по Черноморскому казачьему войску от 21 октября 1845 года, проистекало из благих предначертаний

монарха «относительно сближения с нами соседней и, уже отчасти, сограждан наших черкес» [7].

В этом училище стараниями штаб-офицера Табанца было предусмотрено помещение для проживания преподавателя азиатского языка, чтобы желающие из детей черкес и татар учились нашему языку и грамоте, а взамен наши дети учились азиатским языкам.

Для горцев было также выделено десять мест в Уманском окружном училище. Однако адыги не до конца использовали предоставлявшиеся им возможности для получения бесплатного образования за счёт российского казначейства. Как отмечал в своем рапорте от 9 октября 1851 года и. д. наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал Рашпиль командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Н. С. Заводовскому, «дети черкесских дворян приискиваются для помещения в пансионе с большой трудностью». Да и в Полтавском окружном училище, ближе всего расположенном от мест проживания адыгов вакансии были заполнены не полностью: в 1845 году училось шесть горцев, в 1857 году – только пять [8].

Военный министр распорядился выделить в школе военных воспитанников при Навагинском пехотном полку во Владикавказе 30 вакансий собственно для детей коренных жителей Кавказа. Кроме того, в Нальчике на основании особого монаршего повеления также была учреждена школа на 25 человек для детей кабардинцев, содержавшаяся на общественные средства. «Школы эти в настоящее время, – по мнению главы российского военного ведомства, – приносят наибольшую пользу, ибо дети по близости родителей и, так сказать, не разлучаясь с ними, получают достаточное образование, приспособленное к их понятиям» [9].

Также министр согласился с предложением главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом расширить число горских вакансий в Ставропольской гимназии до 50 и в Екатеринодарской (Черноморской) до 25 мест. Эти предложения нашли одобрение Николая I. В новые школы и северокавказские гимназии определялись дети горцев Кавказской линии, князей и узденей, как с начальным образованием, так и без него. При этом их не отделяли от русских воспитанников ни во время классов и ни вне их. Отмечалось возрастающее стремление горцев отдавать детей в гимназии: положенные в Ставропольской гимназии 15 вакансий для почетных горцев постоянно были заняты, постоянно поступали просьбы о зачислении детей в это учебное заведение.

Организация учебных заведений на Кавказе, несомненно, была полезна и удобна с различных точек зрения. Отцы и родственники обучающихся имели больше возможности для посещения и контроля своих детей. Быстро распространявшаяся информация об успехах и недостатках обучения побуждала к соревновательности и вызывала решения об отдалении новых воспитанников в русские школы. Не последнюю роль играло также и то обстоятельство, что дети находились в привычном климате и уже в силу этого реже болели. Они пользовались правом за хорошие успехи бывать в каникулярное время дома, старались не отставать в науках от товарищей, дома подавали пример своим сверстникам.

Следует отметить, что в конце 40-х годов XIX века молодых горцев до отправления их в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения стали обучать в только что созданной Новороссийской азиатской школе с четырехлетним сроком прохождения программы. В копии с рапорта инспектора Новороссийской азиатской школы поручика Амбрасевича Новороссийскому коменданту подполковнику Оглоблину от 18 марта 1853 года отмечалось, что воспитанники этой школы, Тугуз Таитль, Хастемир Клоух, Осман Хачак, Осман Хаведжи Оглу и Осман Удгоухо, имевшие от роду 13–15 лет, «окончили определенный четырехлетний срок в школе и сделали хорошие успехи в науках, положенных программой для школ Черноморской береговой линии учрежденных», эти воспитанники, кроме всего прочего, «поведения хорошего» и поручик Амбрасевич «покорнейше просит ходатайства о назначении вышеупомянутых воспитанников в одно из казенных учебных заведений для дальнейшего образования» [10].

Весьма любопытные сведения относительно распространения грамотности среди горцев содержат материалы за 1858 год, когда в Черномории ещё не было своего специального женского учебного заведения. Попечитель Кавказского учебного округа ставит перед наместником царя на Кавказе вопрос об образовании девочек из числа коренных жителей края.

В своем отношении от 14 апреля 1858 года он пишет: «Может на первый вид показаться несколько странным, что в параграфе II проекта (речь идет о проекте будущего Мариинского института) в числе девиц, допускаемых к принятию в училище, помещены и девицы мусульманского исповедания. Нет сомнения, – пишет глава образовательного ведомства Кавказа, – что некоторое, а быть может и довольно продолжительное время, эта статья будет мертвой буквой, но так как положение составляется и на будущее время, то мне кажется, что нет причин восставать против положения, которое когда-нибудь может найти применение» [11].

Важным средством вовлечения горцев в учебный процесс явилось составление в начале 40-х годов XIX века российским подданным Люлье черкесского словаря. В Государственном архиве Краснодарского края нам удалось обнаружить уникальное дело под названием «О дозволении коллежскому асессору Люлье иметь переговоры с закубанцами по Черноморской линии». Из него видно, что в январе 1844 года Люлье прибыл в район Черноморской береговой линии к исправляющему должность начальника этой Линии генерал-майору Будбергу для проверки на месте составленного им словаря. Будберг в своем рапорте на имя командующего Черноморской кордонной линией генерал-лейтенанта Н. С. Заводовского от 7 января 1844 года пишет: «Состоящий при мне по особым поручениям коллежский асессор Люлье отправляется на вверенную Вашему превосходительству линию для свидания с некоторыми знакомыми ему закубанскими жителями, и для проверки на месте составленного им по Высочайшему повелению черкесского словаря», и просит оказать ему содействие. На полях полученного рапорта Заводовский делает пометку: «Запросить Люлье, в чём именно нужно дать ему средство <...> по возведенному на него поручению» [12]. 23 января Заводовский делает открытое предписание господам частным и постовым начальникам Черноморской кордонной линии, в котором требует «дозволять [Люлье – С. Т.] иметь переговоры с закубанскими жителями» [13]. Только сверив основные положения своего словаря в беседах с прикубанцами, Люлье выпустил этот ценный труд в свет.

В 1850 году уже среди самих горцев появился высокообразованный учитель черкесского языка (преподавал в течение десяти лет в Екатеринодарской гимназии) – Ахмет Шаимов, которого специально командировали в Ставропольскую гимназию «для составления письмен черкесского языка» [14].

Как видим, руководство Кавказского учебного округа и военная администрация края использовали самые разнообразные возможности для того, чтобы поставить обучение коренных жителей региона на прочную базу, ибо только составление учебных пособий на родном наречии могло сделать освоение программного материала школ и гимназии продуктивным.

Следует заметить, что аманаты (заложники), которых горцы предоставляли российским властям в ходе Кавказской войны в знак выполнения взятых на себя договорных обязательств, не просто находились в плену, а получали образование в черноморских училищах за счёт казны. Командовавший тогда Черноморской кордонной линией, в последующем наказной атаман ЧКВ, генерал-майор Я. Г. Кухаренко писал 6 февраля 1854 года начальнику г. Ейска полковнику И. В. Чередыеву: «У нас находится 13 человек аманатов, взятых от горских племён в залог их верности Русскому престолу. Все они распущены по разным станицам у жителей Черномории и некоторые из них обучаются русской грамоте в окружных училищах. Им определено на довольствие и одевание каждому» [15].

В то время, когда Кавказская война на востоке региона уже близилась к завершению и окончательному покорению местных племён и народов, наместник царя на Кавказе генерал-адъютант князь А. И. Барятинский пришёл к Александру II с предложением учредить для образования детей горских туземных племён Кавказа особые школы. Император, «признавая полезным и необходимым» учреждение таких школ, согласился с введением их «в виде опыта, на четыре года». Он одобрил составленный Кавказским комитетом проект Устава и штата горских школ, «предоставив наместнику Кавказскому и главнокомандующему Кавказской армией в течение означенного срока делать в сих уставе и штате все те изменения и дополнения, кои он признает нужными и полезными» [16].

Устав о горских школах был высочайше утвержден 20 октября 1859 года, когда военная драма на востоке уже закончилась в пользу России, а на северо-западе предстояли ещё более чем четырехлетние боевые действия. Но, верное своей стратегической линии, российское правительство неуклонно стремилось вводить начала гражданственности в среду коренных народов, несмотря на продолжавшиеся боевые стычки.

Устав предполагал введение уездных и первоначальных училищ. Окружные школы «на первый раз» учреждались в следующих местах: во Владикавказе, в Нальчике и Темир-Хан-Шуре, а начальные – в Усть-Лабе, Грозной и Сухум-Кале.

Окружные школы состояли из четырёх классов, в числе которых был приготовительный. Управлялись они на общем основании, как и прочие подведомственные Кавказскому учебному округу уездные и окружные училища, штатными смотрителями, которые назначались главнокомандующим Кавказской армией заместителем царя на Кавказе по представлению попечителя учебного округа из учителей, отличавшихся педагогическими познаниями и опытом. Штатные смотрители окружных школ назначались преимущественно из лиц, имевших диплом действительных студентов университетов или окончивших полный курс наук в специальных педагогических классах Ставропольской гимназии.

Кроме штатного смотрителя, при каждой из вышеназванных школ имелся законоучитель православного исповедания и мусульманского закона, три учителя наук и один учитель приготовительного класса.

В Уставе отмечалось, что горские окружные школы «хотя и открываются преимущественно для туземцев и детей русских военных и гражданских чиновников, но в них могут обучаться мальчики из всех других свободных сословий без различия вероисповедания» [17]. Другими словами, горские школы не были изначально закрытыми учебными заведениями. Единственным ограничителем для поступления в них являлось отсутствие свободы, что означало запрет приёма в них российских крестьян. Но после отмены крепостного права в России и это ограничение было снято.

Учебный план окружных школ предусматривал преподавание следующих дисциплин: Закона Божьего православного вероисповедания; мусульманского закона – для мусульман; русского языка и русской грамматики; краткой географии: всеобщей и русской, со статистическими сведениями об административном устройстве Российской Империи вообще и Кавказского края в особенности; арифметики и понятий о геометрии; чистописания и, если можно, рисования [18]. Курс в окружных школах полагался годичный для каждого класса, исключая приготовительный, в котором дети, в зависимости от их учебных успехов, могли пребывать более двух лет. Учебный год начинался 15 августа и заканчивался 1 июля.

За обучение в этих школах полагалась плата в размере 5 рублей в год с каждого входящего ученика. Дети малосостоятельных родителей освобождались от платы за обучение. Правда, для этого необходимо было представление педагогического совета школы, утверждённого местным военным начальством.

Окончившие окружные горские школы ученики пользовались теми же правами, что и выпускники уездных училищ Кавказского учебного округа. Завершившие курс обучения с хорошими оценками принимались в 4-е классы гимназий этого учебного округа без экзаменов. Изъявлявшие желание поступать в будущем в университет должны были выдержать испытание в новейших языках [19]. Кроме того, при горских школах учреждались пансионы, по мысли составителей Устава, «как для облегчения средств родителей содержать детей своих в училищах, так и для того, чтобы разумным и нравственным воспитанием вкоренить в молодом поколении горского юношества истинные правила чести, долга, трудолюбия и порядка и через то приготовить их к той гражданственности, которая есть, собственно, главная цель их образования» [20].

Таким образом, подводя итоги становления и развития народного образования среди горцев Северо-Западного Кавказа в 1830–1860 годы, следует заметить, что проходило оно в специфических условиях Кавказской войны. Российское правительство не могло сразу распространить грамотность на всю территорию Закубанья, которой оно фактически ещё не владело. Поэтому к делу народного образования на первых порах привлекалось ограничен-

ное число горских народов, принявших присягу на подданство Российскому государству. На первом этапе был использован способ привлечения к обучению горцев через военно-учебные заведения, но он полностью не оправдал себя: долгий отрыв от своих семейств, проживание в непривычном климате, слабое знание русского языка создавали большие трудности в обучении. Затем был использован метод привлечения горцев к обучению на месте через окружные училища и две гимназии (Ставропольскую и Черноморскую), в которых для местных жителей Северного Кавказа выделялись специальные вакансии за счёт средств государственного казначейства. Этот путь оказался более продуктивным, но не настолько, как рассчитывало правительство. В 1859 году, на завершающем этапе Кавказской войны, российское правительство решило перейти к определенной системе в организации национального (горского) образования, но претворение в жизнь его норм стало возможным уже в послевоенный период.

Источники

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 791. Л. 1.
2. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2040. Л. 6об.
3. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 584. Л. 1об.
4. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1726. Л. 1-1об., 15.
5. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 934. Л. 19.
6. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2040. Л. 6об.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1746. Л. 171-171об.
8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1746. Л. 171об.; Д. 2040. Л. 28об.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2040. Л. 7.
10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1490. Л. 4-4об.
11. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1296. Л. 60.
12. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 696. Л. 1.
13. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 696. Л. 2об.
14. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 206. Л. 7-8.
15. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 48.
16. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 48.
17. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 49.
18. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 49-49об.
19. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 49об-50.
20. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 682. Л. 52.

References

1. Gosudarstvennyy arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archives of Krasnodar region] (ГАКК). F. 261. Op. 1. D. 791. L. 1.
2. ГАКК. F. 252. Op. 1. D. 2040. L. 6ob.
3. ГАКК. F. 261. Op. 1. D. 584. L. 1ob.
4. ГАКК. F. 261. Op. 1. D. 1726. L. 1-1ob., 15.
5. ГАКК. F. 261. Op. 1. D. 934. L. 19.
6. ГАКК. F. 261. Op. 1. D. 2040. L. 6ob.
7. ГАКК. F. 249. Op. 1. D. 1746. L. 171-171ob.
8. ГАКК. F. 249. Op. 1. D. 1746. L. 171ob.; D. 2040. L. 28ob.
9. ГАКК. F. 249. Op. 1. D. 2040. L. 7.
10. ГАКК. F. 260. Op. 1. D. 1490. L. 4-4ob.
11. ГАКК. F. 262. Op. 1. D. 1296. L. 60.
12. ГАКК. F. 261. Op. 1. D. 696. L. 1.
13. ГАКК. F. 261. Op. 1. D. 696. L. 2ob.
14. ГАКК. F. 470. Op. 2. D. 206. L. 7-8.
15. ГАКК. F. 454. Op. 2. D. 682. L. 48.
16. ГАКК. F. 454. Op. 2. D. 682. L. 48.
17. ГАКК. F. 454. Op. 2. D. 682. L. 49.
18. ГАКК. F. 454. Op. 2. D. 682. L. 49-49ob.
19. ГАКК. F. 454. Op. 2. D. 682. L. 49ob-50.
20. ГАКК. F. 454. Op. 2. D. 682. L. 52.